

Девушка в красном одеянии, чьи глаза источали ослепительное сияние, способное подавить волю любого, взмахнула рукой. В тот же миг она сплела небесную духовную энергию в струны и заиграла мелодию, выходящую за пределы самого Дао.

Вторая струна Мелодии Очищения Мира Фуси — Высший звук без струн!

Сердце, очищенное от мирской суеты, сливается с духом небес и земли. Звуки цитры, идущие из самой глубины души, достигли божественных высот. Те, кто слышал эту музыку, замирали в изумлении: это было звучание иного мира, не уступающее величию самого Небесного Пути!

Звук струн сотряс небеса, вобрав в себя все священное сияние мира. Наставление Фуси, прозвучавшее в унисон с дрожащим небосводом, разлилось по миру подобно эху небесной музыки.

Звуковая атака и Душа меча в этот миг, преодолев предел возможного, слились воедино!

Меч стал цитрой, цитра — мечом. Мощь Мелодии Очищения Мира Фуси воплотилась в чистом Намерении Меча, превратившись в нестигаемый алый луч, устремленный к вершине Лестницы в Небо!

Неудержимая мощь и твердые шаги. Шесть ступеней позади, седьмая — под ногами, но она, казалось, и не думала отступать.

Разумеется...

Ее единственной целью были не испытания и не сама лестница. Она хотела лишь оказаться рядом с тем человеком.

— Всего лишь седьмая ступень... этого мало, бесконечно мало!

Однако израненное тело не могло вынести большего напряжения. Родившееся Намерение Меча не могло долго поддерживать силу, а может ли бесконечно звучать мелодия, превосходящая границы дозволенного?

Седьмая ступень Лестницы в Небо — вот предел нынешней Нань Сысянь.

Алое сияние угасло, окрасив окутанную туманом Платформу Вознесения в багряные тона.

Больше не в силах стоять, она закрыла глаза и безвольно рухнула на холодные каменные ступени. В сердце теснилась досада, но оставалось лишь смириться с поражением.

Тот человек стоял слишком высоко, слишком далеко. Это была недостижимая высь, которой она не могла коснуться, как бы ни тянула руки.

— Слишком жестоко.

Горячие слезы, смешанные с капельками крови, покатались по щекам и упали на мягкую, белоснежную женскую грудь.

— Я думала, сегодня мы станем свидетелями чуда, какая жалость.

— Смотрите, она снова спустилась!

— Ведь оставался всего шаг до десятой ступени, она что, совсем лишилась рассудка?

Шум голосов смешался с теплом объятий, вырывая Нань Сысянь из глубин собственного сознания.

Та, что должна была разбиться о холодный камень, теперь была крепко прижата к кому-то неожиданному. Этот человек, окруженный суровым Намерением Меча, укрывал ее от сокрушительного давления Небесного Пути.

Снежные волосы, лицо, подобное нефриту... Это была та самая, казалось бы, безжалостная мечница, тот самый человек, за которого она так отчаянно хотела держаться.

Чудо, о котором она и не смела мечтать, стало явью, словно во сне.

— Этот меч остр и хорош, но в твоём стремлении и восхищении не хватает уверенности и доли властности. Нужно ещё время для закалки, не смей расслабляться.

Ну что за человек! В такой трогательный момент эта ледышка знает только свой меч, меч и ещё раз меч! Хотя бы немного проявила заботу!

Холодный, как песня, выговор подтверждал, что перед ней не видение. Нань Сысянь в душе пыталась сердиться, но сладкую улыбку, промелькнувшую в уголках глаз, скрыть было невозможно.

— Ошиблась. Я правда ошиблась.

Хотя она действительно стоит высоко и ушла далеко, но она вовсе не недостижима.

Если она сама не может взойти на пик, значит, та спустится. Если она не может догнать ее

шаги, значит, та вернется по пути назад.

Так ведь можно понимать, да?

Нань Сысянь едва могла сдержать торжество в душе и, кокетливо надув губки, произнесла:

— Разве это не ты холодно бросила мне что-то вроде жди меня на вершине? Еще и руку мою оттолкнула! Почему же ты спустилась? М?

Переживала ведь? Точно переживала!

Думая о том, что этот человек наконец-то начал что-то к ней чувствовать, она уткнулась в грудь Цзи Сюэ, зажмурившись от нахлынувшего счастья.

— ...

Хотя Цзи Сюэ действительно забеспокоилась, увидев ее раны, но, глядя на эту наглую, сияющую физиономию, она наотрез отказывалась признавать это.

— Хм. — Она отвела взгляд, скрывая залившееся румянцем лицо, и холодно бросила: — Где стою я, там и есть вершина.

Нань Сысянь знала, что Цзи Сюэ не лжет.

Чем больше они проводили времени вместе, тем отчетливее она понимала ее силу. Если говорить о вершине мастерства меча, то во всем бескрайнем мире Наньмин вряд ли кто-то мог сравниться с Цзи Сюэ.

Но сейчас...

— Не думай, что если отвернулась, я не увижу, как ты покраснела, — хихикнула девушка в красном. — У тебя даже шея и уши стали красными, ну ты и цундэрэ!

— Цундэрэ...? — Цзи Сюэ в замешательстве нахмурилась.

Она понимала значение этих слов по отдельности, но никогда не слышала, чтобы их использовали вместе как описание.

— Это такой термин, означающий, что ты очень милая, — Нань Сысянь хотела было пустить пыль в глаза, но случайно выронила слово из другого мира.

Поняв свою ошибку, она тут же попыталась исправиться:

— Нет, я хотела сказать...

— Больно! Все тело болит! Как будто оно сейчас рассыплется на куски!

Не успев договорить, Нань Сысянь попыталась подняться, но вместо этого ее тело отяжелело, и она снова рухнула в объятия Цзи Сюэ.

Это было ожидаемо.

Выдержать такое чудовищное давление Небесного Пути и прорваться так далеко — кости были раздроблены, внутренние органы серьезно повреждены. И при таком состоянии она еще умудрилась использовать духовную энергию для создания нового Намерения Меча.

Скорее, чудом было то, что она до сих пор жива.

— Сосредоточься!

Цзи Сюэ мысленно отругала себя за глупость: из-за пустой перепалки она чуть не забыла помочь с лечением. Она осторожно усадила Нань Сысянь и, прижав два пальца к точке в районе ключицы, серьезно сказала:

— ...Будет немного больно. Приготовься.

К чему тут готовиться? Все равно это лечение, неужели может быть больнее, чем чувствовать, как умираешь?

Нань Сысянь, с лица которой градом катился пот, лишь молча кивнула, показывая, что готова.

Цзи Сюэ, не медля, направила свою энергию прямо в тело девушки.

И как только она начала, Нань Сысянь наконец поняла, почему эта молчаливая ледышка посчитала нужным предупредить о боли.

Немного? Больно?

— Да пошло оно все к черту! Это же настоящая пытка!

Если принять высшую степень боли за десять, то полученные ею переломы и повреждения

органов тянули максимум на восемь. Но этот странный метод лечения Цзи Сюэ ощущался как медленное разрезание изнутри — на все сто!

Неужели она решила тайком отомстить?!

Лицо Нань Сысянь менялось с белого на зеленое, с зеленого на черное, и снова на белое. В душе она изрыгала проклятия, которых мир еще не слышал.

Впрочем, она ошибалась.

Если бы Цзи Сюэ действительно хотела отомстить, у нее нашлись бы способы получше.

Причина, по которой лечение проходило так болезненно, была в другом. Во-первых, травмы были слишком серьезны, и чтобы спасти ей жизнь, приходилось действовать жестко.

А во-вторых, после ухода из Долины Слушающих Ветры, исходящая от меча Цзи Сюэ аура смерти и кровопролития больше не могла имитировать целительную жизненную силу.

Сейчас она использовала свою смертоносную энергию, чтобы заставить внутреннюю энергию Нань Сысянь в ужасе перед гибелью активировать скрытые резервы организма.

Теперь понятно? Прогонять такую жестокую энергию смерти через тело девушки — без боли тут не обойтись.

Так, под негласную пытку, время тянулось мучительно медленно, пока не наступили сумерки.

Когда энергия рассеялась, Цзи Сюэ, неловко глядя на изможденную Нань Сысянь, наконец решилась заговорить:

— ...Ты как?

— Очень больно.

Нань Сысянь, глядя прямо в ее фиолетовые глаза, ответила с пугающим спокойствием.

— ...

Под таким взглядом великая мечница осеклась, не в силах вымолвить ни слова.

— Я сказала, мне очень больно! — Нань Сысянь, не получив ожидаемого утешения, подалась

вперед, требуя внимания.

Было ясно, что она так просто этого не оставит.

— Прости. Я впервые использую этот метод и не думала, что... это будет так больно...

Зная, что причинила ей страдания, Цзи Сюэ виновато отвела взгляд, пытаясь скрыться от ее пронзительного взгляда.

Но Нань Сысянь, уже раскусившая ее, тут же пошла в наступление:

— Я считала тебя другом, а ты использовала меня как подопытного кролика! У меня сердце замерзло от обиды.

Дрожащими руками она прижала ладони к груди, и ее печальное личико выглядело невероятно трогательно. Семь частей правды, три части лжи — мастерство обмана во всей красе!

— Я... у меня не было таких намерений. — Сдавшись, Цзи Сюэ тяжело вздохнула. — Но это моя вина. Как мне загладить ее? Проси что хочешь.

Нань Сысянь, добившись своего, тут же отбросила печаль и с воодушевлением спросила:

— Правда? Любое желание?

— ...Любое.

Хотя Цзи Сюэ понимала, что та притворяется, но, зная, что боль была настоящей, все же дала согласие.

— Тогда... могу я поцеловать тебя, как поступают близкие люди?

Нань Сысянь с замиранием сердца озвучила свою давнюю мечту. Она нервно наблюдала за реакцией. Согласится ли она? Она ведь добавила предлог, подозрений быть не должно. Но она ведь так стесняется даже объятий...

— ...

Цзи Сюэ замерла, глядя на нее в полном изумлении.

Тук-тук.

Ее сердце, не знавшее волнений тысячу лет, сегодня вновь отозвалось странным шумом.

Близкие люди. Для нее это было слишком далекое понятие. Настолько далекое, что она забыла их лица и голоса.

Единственное, что она помнила, — это кроваво-красный цвет, вызывавший лишь жгучее чувство вины. Кровавая бойня посреди цветущих бамбуковых рощ и падающего снега.

Холод пронзил ее тело.

Белоснежные пальцы слегка задрожали. Воспоминания, полные сожалений, пожирали ее тепло, и мечница надолго замолчала...

И когда Нань Сысянь уже решила, что получила безмолвный отказ, та, холодная как снег, наконец ответила:

— Если в лоб... то можно.

Этот тихий, едва слышный ответ был полон воспоминаний, извинений и... легкого ожидания.

Нань Сысянь просияла.

Цзи Сюэ закрыла глаза, ее щеки слегка порозовели, а тонкие пальцы нервно сжимали край одежды. Она выглядела невероятно соблазнительно.

Снег и тушь...

Сердце Нань Сысянь сжалось, дыхание перехватило. Она потянулась к ее лицу, приближаясь, еще ближе.

Ароматное дыхание коснулось кожи. Она уже чувствовала прохладу ее губ. Еще немного — и это будет поцелуй, о котором она грезилась каждую ночь.

Она не могла остановиться.

Но в тот миг, когда их губы соприкоснулись, Цзи Сюэ резко открыла глаза и гневно уставилась на нее.

Они договаривались в лоб! Эта нахалка, она... она посмела!

Хотя случайные касания случались и раньше, этот поцелуй нес в себе совсем иной смысл — опасный и манящий.

Тук-тук.

Отступив на несколько шагов, Цзи Сюэ прижала руку к губам. Сердце бешено колотилось, словно олененок, пытающийся вырваться из груди.

Это было чувство, с которым она никогда раньше не сталкивалась. Сладкое и горькое одновременно, оно нарушало ее покой и вносило диссонанс в чистое звучание ее мечта.

Словно неизлечимая болезнь, от которой невозможно избавиться.

Это чувство беспомощности было ей ненавистно.

В смятении она выплеснула свое раздражение на Нань Сысянь:

— Что ты творишь?

В ее голосе сквозило отвращение. Но как могла Нань Сысянь понять, что это была ненависть к собственной слабости, а не к ней?

Для Нань Сысянь этот взгляд и холодный тон означали одно — презрение. Она горько пожалела о содеянном.

Женщина к женщине — это ведь против всех правил и морали, верно? Наверное, она сама вызывает у нее отвращение.

Нань Сысянь опустила голову, ее губы задрожали.

— Прости.

Она не могла сказать ничего другого. Присутствие Цзи Сюэ стало для нее привычкой, частью души. Нельзя сдаваться, даже если это будет лишь печальный спектакль одного актера.

— Нет! Я... я не это имела в виду.

Вид покорной и извиняющейся Нань Сысянь привел Цзи Сюэ в еще большее замешательство.

Она хотела вернуть свет в глаза девушки, но не знала как.

И тогда пришла мысль. Абсурдная, непонятная, но единственно возможная.

Сказано — сделано.

Цзи Сюэ убрала прядь волос, наклонилась и на мгновение прижалась своими холодными губами к губам Нань Сысянь, тут же отстранившись, словно обжегшись.

Легкий, едва уловимый поцелуй. Но для Нань Сысянь это было величайшим чудом.

Туман Лестницы в Небо застлал ей глаза.

— Что это значит?! — дрожащим голосом спросила она, нарушая тишину.

— ... — Цзи Сюэ отвернулась, снова пытаясь сбежать. — Я... не знаю.

И прежде чем Нань Сысянь успела продолжить расспросы, древняя Лестница в Небо окуталась ослепительным белым светом. Когда сияние погасло, на лестнице, пропитанной кровью и слезами, не осталось ни души.

Лишь безответный вопрос и сердце, не понимающее самого себя, эхом отдавались в пустоте.

Луна была яркой, звезды — редкими. Вокруг деревянных домиков, где отдыхали будущие ученики секты, царила тишина.

Здесь жили те, кто преодолел шестую ступень Лестницы в Небо. Большинство из них были заняты медитацией, пытаясь усвоить полученную духовную энергию и закрепить крупницы законов Небесного Пути.

Единственным исключением была эта женщина с белыми волосами, прислонившаяся к дереву и глядящая на луну. Красавица, подобная снегу, и меч, подобный туши.

Даже яркие звезды меркли рядом с ней.

Но сегодня ее взгляд был непривычно рассеянным. Кровь на мече потускнела. Она машинально коснулась своих губ, вспоминая алый отблеск того, что произошло днем.

Поцелуй... Как она могла поддаться такому импульсу?

Цзи Сюэ никогда не знала любви. Будучи мечом в руках Странника реинкарнации, она была известна своей безжалостностью. Даже попав в мир Наньмин, она обрела лишь одного друга.

Она никогда не общалась с мужчинами, не говоря уже о женщинах.

Но вчера, поддавшись странному чувству, она поцеловала маленькую девушку, которую считала своим другом.

Простое касание губ, никакой близости, но ее сердце теперь билось так, будто внутри него поселился олененок, не дающий ей покоя.

<http://bllate.org/book/19148/1880468>